

Благодарности

В начале этой книги следовало бы упомянуть множество философов и теологов. Я надеюсь, что моя скромная признательность им всем ясно прослеживается на протяжении всей книги. Прежде всего позвольте мне поблагодарить Тине Хрибар за его ободрение и поддержку в моем новом философском начинании — на этот раз книги об Антигоне. Из того, что оказало на меня наибольшее влияние, я особо хотел бы отметить различные встречи с мыслями Люс Иригаре, Брахи Л. Эттингер, Джона Д. Капуто и Клеменса Седмака. Без них эта книга не могла бы быть написана в ее нынешнем виде.

Я также хотел бы поблагодарить мою коллегу и друга Ше Маккензи Хоук за то, что она поделилась со мной своим мифологическим трудом по забытой генеалогии Метиды. Я также от всего сердца благодарю мою дорогую коллегу Майю Бьелицу из Института философских исследований Научно-исследовательского центра Копер за прекрасные фотографии из ее серии *Elartemis#Ses3*, которые чудесным образом демонстрируют сходство наших философских взглядов и наше *этическое со-дыхание*. Я также сердечно благодарю ее за помощь в редакционной работе.

Я также благодарю Власту Пачейнер-Кландер за ее пронзительные размышления о Савитри, а также выразить свою искреннюю благодарность Роберту Фаасу за то, что он поделился со мной своими точными переводами глубоких мистических материалов Якоба Бёме. Я хочу выразить благодарность моему другу Джеффу Стюарту за то, что он позволил мне опубликовать его ранее не публиковавшуюся работу. Я хочу поблагодарить трех анонимных рецензентов за их критику и чрезвычайно ценные предложения по улучшению моей аргументации в этой книге.

Наконец, я хочу также выразить свою благодарность редакторам серии SUNY Дагу Донкелу и Джеймсу Пельцу за редакционную поддержку и внимание к этому проекту.

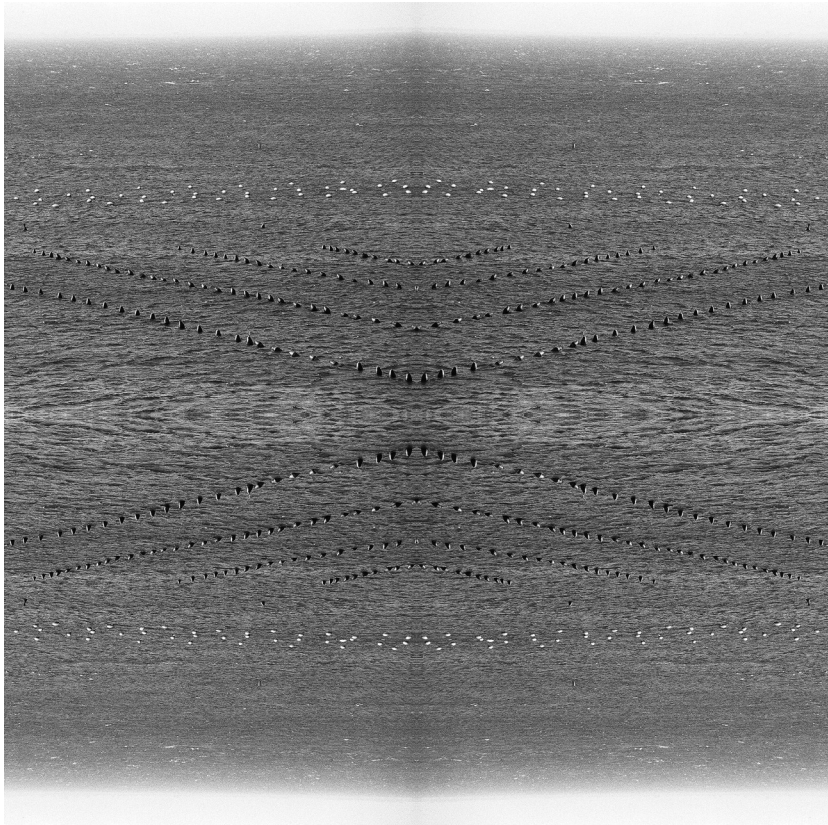
Некоторые главы и разделы этой книги ранее были опубликованы в следующих журналах и сборниках:

- Антигона / Савитри: части этой главы (без приложения об Алкесте) были опубликованы под названием «О сакральных родословных в Антигоне и Савитри» (On sacred genealogies in Antigone and Savitri) в книге K.-G. Giesen, C. Kersten and L. Škof (eds.), *Poesis of Peace: Narratives, Cultures and Philosophies*, New York: Routledge, 2017: 68–77. Материалы воспроизводятся с разрешения.
- Метида / Красавица Вида: более ранний и более краткий вариант этой главы (без приложения о Фейвор) был опубликован под названием «Материальный принцип и этика гостеприимства и сострадания: Реквием по Лампедузе» (The material principle and an ethics of hospitality and compassion: Requiem for Lampedusa), *Annales, Series historia et sociologia*, 25:2 (2015): 263–272. Материалы воспроизводятся с разрешения.
- Вифлеемская наложница / Мария (Bethlehemite Concubine / Mary): более ранний и более краткий вариант этой главы (без приложения о Софии) был опубликован в *Sophia* 2018 (doi: <https://doi.org/10.1007/s11841-018-0646-9>). Материалы воспроизводятся с разрешения.
- Интервал / Время любви. Первоначально опубликовано под названием «Интервал добродетели: Время этики» (An Interval of Grace: The Time of Ethics), *SpazioFilosofico*, 17:2 (2016): 211–224. Материалы воспроизводятся с разрешения.
- «Иригаре / Дыхание»: более ранний и более краткий вариант этой главы (без приложения о Хоре) был опубликован под названием «Дыхание как способ самоаффекции» (Breath as a Way of Self-Affection), *Bogoslovni vestnik* 77:3/4 (2017): 577–587. Материалы воспроизводятся с разрешения.

Следующие главы и разделы этой книги были переведены на английский язык Петрой Берлот Кужнер: Введение, часть о Савитри, все дополнения к главам, а также глава Бытие (Seyn) / Сестра. Ей также принадлежат переводы поздних работ Иригаре с итальянского языка.

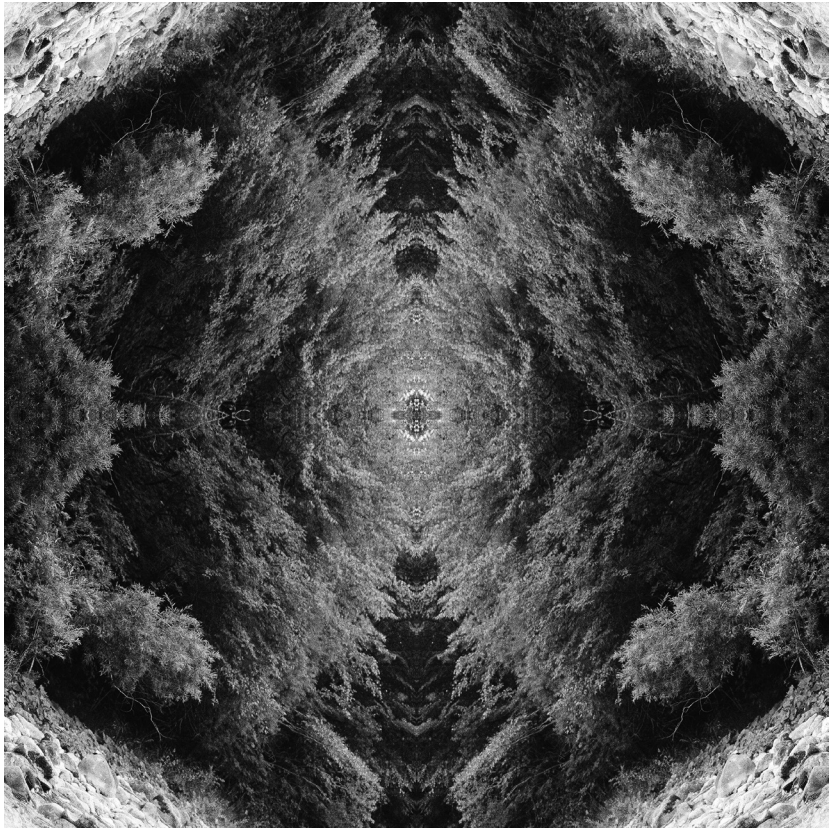
И наконец я хочу поблагодарить Сузану, Люциана и Льва за то, что они составляют для меня самую элементарную из всех матриц — мою семью.

Ленарт Шкоф,
март 2021 г.

Бесконечная матрица

ПРЕЛЮДИЯ

Эманация любви

Матрица любви / Матричная сеть Этингер

Это матричное осознание сопровождает нас с самого начала жизни¹.

Как Христос, так и Мария, каждый по своему, признают, кратко говоря, наивысшую ясность Антигоны (...). И они призывают всех женщин, естественных матерей биологического вида, не прекращать поток деторождения, а присоединиться к ним (Иисусу и Марии) на одном из возможных перекрестков греческой и еврейской памяти².

О, дочь моя! О, малое дитя, похожее на мою сущностную душу, и на кого мне снова стать похожим надо / Когда желание очищено желаньем! / Благословен будь, Господь, ибо вместо меня рождается дитя, лишенное гордыни (...)³.

Эта книга — об Антигоне и связанных с ней космических, философских и теологических возможностях для нового размышления о матрице любви. Соответственно, Антигона вступает в диалог со своими генеалогическими сестрами, среди которых, с одной стороны, древние мифологические и космологические персонажи, а с другой стороны, различные женские фигуры из философии и теологии. С этой целью в книге предлагается ряд интерпретаций, связанных с Антигоной и ее безусловно нравственным поступком. Эта попытка опирается на убеждение, что сдвиг

¹ Bracha L. Ettinger. *The Matrixial Borderspace* (Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 2006), 69.

² Julia Kristeva. *Antigone: Limit and Horizon*. В сборнике *Feminist Readings of Antigone*, ed. Fanny Söderbäck (Albany, NY: SUNY Press, 2010), 225.

³ Paul Claudel, *Five Great Odes*, trans. Edward Lucie-Smith (Chester Springs: Dufour Editions, 1970), 46.

от онтологии насилия к этике любви и нежности возможен только через расширенную матричную⁴ идентичность, как это раскрывается и обосновывается в данной книге: говоря о матричной идентичности, я указываю на онтолого-этический стержень женской идентичности, недостаток или даже отсутствие которого в наших культурах интерсубъективностей и/или сообществ проявляется в многочисленных страданиях женщин, детей и мужчин на протяжении всей истории и в каждой культуре нашего общего мира. Согласно Эттингер, этическое различие, которое является *женским* и которым мы будем руководствоваться на протяжении всей этой книги, определяется следующим образом:

Я предлагаю исходить из различия, которое с самого начала является женским, из *отношения граничного связывания (borderlinking)* в изначальной психической сфере, которую я назвала «матричной». В матричной сфере *не-знание* женского различия невозможно, поскольку это различие само по себе есть *co-naissance* ('знание со-рождения'). (...) Это перекрестное вписывание передается посредством ма-

⁴ Мы заимствовали этот термин у Якоба Бёме и у Брахи Л. Эттингер. Бёме говорит о «Матрице» следующим образом: «Благословение Марии между всеми женщинами, / — в том, что она была первой от Адама, / в ком была раскрыта эта небесная матрица» (Ernst Benz. *Der Vollkommene Mensch nach Jacob Böhme* (Stuttgart: Kohlhammer, 1937, 109). По-немецки эти слова Бёме звучат так: «Das ist Marien Benedyung unter allen Weibern / daß sie die erste von Adam her ist / in welcher ist die himlische Matrix wieder eröffnet werden». Ср. также: «Und eben in dieser heiligen Matrice, welche Gottes Wort und Kraft in dem süßen Namen Jesu / in dem Samen MARIAE im Ziel des Bundes wieder erweckte / ward der Schlangen-Gift in der Selen und Fleische zerbrochen» (там же). Но именно Браха Л. Эттингер фактически открыла и развила в своих многочисленных трудах понятия «матрица» и «матричное» как философские и психоаналитические понятия. См. (среди других работ) следующие книги и статьи: *The Matrixial Borderspace*, "From Proto-Ethical Compassion to Responsibility: Besideness and the Three Primal Mother-Phantasies of Not-enoughness, Devouring and Abandonment", *Athena* 2 (2007): 100–135; "The Becoming Threshold of Matrixial Borderlines," in *Travelers' Tales: Narratives of Home and Displacement*, ed. George Robertson, Melinda Mash, Lisa Tickner, and Jon Bird (London: Routledge, 1994), 38–62; "Matrix: Beyond the Phallus", *Women's Art Magazine* 56 (1994): 12–15; and "Matrix and Metamorphosis", *Trouble in the Archives*, special issue of *differences* 4, no. 3 (1992): 176–208.

тричных эффектов, таких как эмпатия, благоговение, со-страдание и со-страдание, печаль, ужас и, возможно, телепатия. *Однако сама эта трансгрессия — это наведение моста и создание доступа к другому уже в женском начале.* (...) Матричное обозначает различие, находящееся в его изначальном формировании, в связи с незримой женской телесной специфичностью, с архаическим обволакивающим внешним, которое также является внутренним: маткой. Однако под матрицей я подразумеваю не «орган» или «источник», а сложный механизм, формирующийся в этом месте женской/пренатальной *встречи*, которая включает во взаимоотношение (*rapport*) человеческое становление-будущего-субъекта, мужчины или женщины, и женскую телесную специфичность, события встречи (*encounter-events*): травма, наслаждение, фантазия и желание будущей матери⁵.

Несмотря на то, что этим эттингеровским матричным стержнем могут, очевидно, обладать преимущественно женщины, он равным образом также присущ мужчинам и образует, таким образом, базовый этический стержень человечества. Реляционная онтология в этой книге становится трехсторонним процессом, в ходе которого женщины, мужчины и дети онтологически по-новому со-творены и этически связаны между собой. Таким образом, *Сестры Антигоны* — это попытка создания генеалогии любви, размышление об утраченной возможности в теологии и философии, и по существу связанных с насилием мифологических, философских и теологических модуляций, которые веками продолжали существовать в забвении чего-то исконного, что у нас есть — памяти о начале, вне и в любви⁶.

⁵ Ettinger. *Transgressing*, 198, 199, 203. В этом тексте приводится интерпретация Этингер софокловой *Антигоны* — как свидетельство страданий Антигоны, вызванных «отрыванием от нее основного партнера-в-различии» (там же, 210). Для Антигоны смерть и возможное непогребение ее брата «наносит ужасный разрез в матричной паутине» (там же). Подробнее о ее прочтении — далее в этой книге.

⁶ Мысль, которая из уважения к достоинству жертв неуместна в прологе к этой книге, изложена в докладе об изнасилованиях, имевших место в Южном Судане и Конго в начале этого тысячелетия. См. статью Эрин

Кажется, Антигону охарактеризовать невозможно: Гегель сравнивал ее с Сократом и Иисусом, ее различным образом трактовали многочисленные философы, — прибегая к языку психоанализа, феминизма, философии, политологии, права, теологии и т. д., — единственно для того, чтобы растолковать ее историю как пример революционного стремления к справедливости, заботе или высшей любви⁷. Своими архаичными, но и универсальными *материнскими* проявлениями заботы и нежности (Кристева), своими решительными, но опять же возвышенными проявлениями сострадания к своему убитому брату Антигона выходит за рамки утверждаемых дихотомий этого и иного миров, любви и смерти, а также уравниваемости и безумия, личного и общественного, или же независимости и закона. Своей фразой: «Делить любовь — удел мой, не вражду»⁸ Антигона прокладывает путь к логике Евангелий и вводит как новую этику, так и выс-

Бейкер (*Aryn Baker*) в журнале *Time* от 21 марта 2015 г. под названием «Война и изнасилование»: «После того, как солдаты убили ее мужа и сыновей, пятеро из них удерживали ее и заставляли смотреть на то, как трое других насильовали ее 10-летнюю дочь. Ее звали Ньялаат. Когда они закончили, Мэри говорит: «Я уже даже не видела свою девочку. Я видела только кровь». Затем мужчины по очереди изнасиловали Мэри. Ньялаат умерла спустя несколько часов. «Я тоже хотела умереть» (с. 20). Это насилие тем или иным образом направлено против всех нас, и если мы не возьмем на себя свою долю ответственности за эти аморальные и трагические события, то никакие дальнейшие социальные, культурные и этические изменения будут невозможны. В этом смысле идеологически обоснованное сексуальное насилие является признаком отказа от нашего общего так называемого «цивилизационного гуманизма». Но это также признак длительного процесса в истории, — подавляемых последовательностей женственности (последовательности деторождения, жизни и роста), — возникновение которого относится к временам древнегреческой религии (утрата древними хтоническими богинями прежней роли, судьба Антигоны), семитских религий (сексуальное насилие и изнасилования в Ветхом Завете, а также отношение к женщинам в исламе) и азиатских религий (касты и отрицание половых различий в религии), а также других религий и культур мира.

⁷ Ср.: *Feminist Readings of Antigone*, ed. Fanny Söderbäck (Albany, NY: SUNY Press, 2010), куда вошли помимо прочего фундаментальные статьи об Антигоне за авторством Тины Чантер, Люс Иригаре, Джудит Батлер, Брахи Эттингер и Юлии Кристевой.

⁸ *Софокл. Драмы*. В переводе Ф. Ф. Зелинского. Серия «Литературные памятники». М.: Наука, 1990. С. 141.

шую или даже вечную логику в мир несправедливости, страдания и любых форм тирании.

От Платона до Максима Исповедника, от Фомы Аквинского до Гегеля или от Кьеркегора до Лакана любовь слишком часто присваивалась философией и теологией и даже становилась предметом метафизических спекуляций. Любовь не смогла стать способом развития нашего Бытия как самотрансцендентность и слишком часто управлялась и присваивалась предустановленной идеей высшей Идеи / высшего божественного / высшего Бога, при этом все это, как правило, предстает в той или иной форме высокого монархического принципа, преимущественно по мужской линии, и существующей для нас в одной из своих метафизически устойчивых форм. В этой книге предпринята попытка проанализировать исконную и имманентную природу любви в ее собственной архаичной темпоральности и показать, что Божественное может быть открыто нам только через эту онтологическую исключительность любви. В этой книге осуществляется поиск исконного кода любви и ее матрицы — прослеживаемой в хоре (*chóra*) как изначальном месте равенства — и, таким образом, матричность раскрывается как ключевое понятие. Как абсолютно безвластное и миролюбивое присутствие это изначальное место создает аллюзию на космические беременности и его многочисленные родники жизни, которые мы должны почитать, всецело оберегать и лелеять. Матричность впервые раскрывается в хоре: нечто тайное в нас самих, что напоминает нам о глубокой матке-матрице как вечном зародыше Бытия, еще до первого разделения Бытия и Небытия или до того, как все вещи были разделены онтологически.

Однако эта книга обращается и к другой генеалогии, — возможно, более скрытой, но в то же время явной и отчетливо прослеживающейся в этой книге, — размышление над идеей ребенка. Если современной философии до сих пор чего-то не хватает, то именно конкретизации онтологического рассуждения, которое способно включить в себя мысль о ребенке, или натальность⁹. Как

⁹ Основополагающим трудом по философии натальности несомненно является книга «Рождение, смерть и женственность» под редакцией Робина

утверждает Люс Иригаре в своей последней работе «Родиться», возможно снова пророчески (как пророческой оказалась ее книга «Spéculum другой женщины»), задача философии — обеспечить появление на свет понятия сингулярности ребенка, — дав ему онтологическую принадлежность, — таким образом, чтобы закрепить эту сингулярность, при этом допуская и делая возможной ее/его самотрансцендентность¹⁰. По словам Делёза, эта мысль наличествует в красивой и простой форме у очень маленьких детей, которые «похожи друг на друга и ничуть не индивидуальны; но им присущи единичности, улыбка, жест, гримаса, события, которые не есть субъектные характеристики. Совсем маленькие дети буквально пронизаны имманентной жизнью, которая есть настоящая мощь, можно даже сказать блаженство в море страданий и слабостей»¹¹. Мы увидим, что любовь может взрасти только в таком окружении; поэтому мысль о ребенке должна быть изначальным жестом любой будущей философии.

Через эту книгу проходит и третья этическая нить. Она очень тонка и легка (и крайне уязвима в отношении внешних условий) в своей сути, однако же этически веска в своем послыле; она пронизывает и питает всю этику как свое собственное дыхание жизни. Все материальные означающие на протяжении всей книги связаны с этим зарождающимся планом этики сострадания и охранительной справедливости. Элементы этой этики включают в себя *слезы* и *плач* при уязвимости другого; *касание*, молчаливые *объятия* или гостеприимные *колени* — избыточные сострадательной *лаской*; пульсацию жизни, возникающей из космической и женской беременности, за пределами жизни страха и насилия; и, наконец, мягкость бытия (Sein/Seyn) и избыток любви, исходящих от вместилища/кормилицы/прародительницы/матрицы — безвластной, но неодолимой хоры. Эта этическая констелляция теперь связана с надеждой на то, что в этом мире, который

Мэй Шотта (Birth, Death, and Femininity. Philosophies of Embodiment. Edited by Robin May Schott. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2010).

¹⁰ См.: Luce Irigaray. *To Be Born: Genesis of a New Human Being*. New York: Palgrave, 2017.

¹¹ Deleuze G. *L'immanence: une vie...* «Philosophie», 1995. no. 47. (Пер. с франц. Маргариты Гербовицкой, 2002.)

мы разделяем, еще возможно распознать нечто, что было бы признанием нашей собственной слабости и уязвимости, или *этическим смирением*. Это часто невозможная мысль или чрезвычайно тягостная сама по себе, — и в своем негативном плане она может быть даже разрушительной для нашего этического Я — поскольку она раскрывает нас в самой онтологической сущности нашей личности и нашего бытия.

В своем эссе о представлении о мире на Земле теолог Клеменс Седмак рассказывает историю о новорожденной девочке по имени Исса Грейс, которая родилась с тяжелым генетическим заболеванием (*трисомия 18*), которое не позволило бы ей когда-либо жить достойной жизнью без крайних страданий. Врачи предсказывали, что она проживет самое большее несколько дней¹². Но ее семья сделала поистине невозможное в своей заботе об этой маленькой девочке и была с ней девять месяцев, с июня 2013 по март 2014 г. В перспективе понимания крайней уязвимости человеческого существования забота об этом ребенке, — говорит Седмак, — открыла правду о нашей собственной уязвимости. Забота, которую многие люди, от самых близких родственников до широкого круга друзей семьи, проявили по отношению к этому ребенку, является отражением самого значительного «элемента», которым мы обладаем: таинственное изобилие любви, рождающейся из чего-то крайне уязвимого, не требующей ничего, но дающей нам самое ценное — связанность в сообщество. Забота и сострадание распространились на сообщество любви, которое возникло вокруг Иссы: желая помочь родителям поспать хотя бы несколько часов, их родственники, друзья, знакомые и другие с любовью заботились об их ребенке. *Проявления любви, не желая ничего взамен*. Чтобы объяснить внутреннюю логику этих процессов, Седмак вводит здесь термин, который он, логично и в соответствии (но одновременно в противовес) со знаменитым принципом справедливости Ролза (*занавес неведения*), называет *раной знания*. Рана знания подсказывает нам, что мы должны попытаться

¹² Clemens Sedmak. Peace, Vulnerability, and the Human Imagination, в сборнике *The Poiesis of Peace: Narratives, Cultures, and Philosophies*, eds. K.-G. Giesen, C. Kersten and L. Škof (New York and London: Routledge, 2017), 27–40.

представить, каково было бы, если бы любой из нас *знал* с самого начала, что нечто похожее на то, что пережила семья Иссы Грейс, случилось бы в нашей жизни. Как бы мы тогда жили наши жизни?¹³ Что бы значило жить с таким латентным, но потенциально имеющимся знанием о нашей собственной уязвимости: коснется ли нас такое знание, изменит ли оно нас? В этой системе отсчета Седмак говорит о *педагогике слабых*¹⁴. Близость к слабости учит нас смиренно слушать, учиться на основе любви и близости, учит заботливости и сострадательной привязанности — *все* это при полном уважении свободы и полной автономии личности. Опираясь на Жана Ванье и его мысль о важности осознания своей слабости и уязвимости для жизни сообщества в сострадании, Седмак в конечном итоге предлагает поразмышлять над следующими словами: «Рана знания облегчает нам приятие того, что “за нашими ролями и масками, которые мы часто носим, мы все являемся уязвимыми и борющимися человеческими существами, чьим сердцам требуется большего, чем мы порой имеем смелость признать”¹⁵». Именно здесь скрыта тайна любви, ее *изобилия или гостеприимства в избытке*. Целью настоящей книги является указать на некоторые истоки и пределы этого изобилия — в мифологическом, космологическом, теологическом, философском, литературном и кинематографическом контекстах.

В качестве резюме: как говорит Элизабет Грос (Elizabeth Grosz) в своей книге «Бестелесное: онтология, этика и границы материализма», такие философы, как Декарт или Гегель, «склонялись к приоритету идеального над материальным»¹⁶. Энергетические и этические силы, скрытые в человеческом теле, были обнаружены только с появлением таких мыслителей, как Спиноза (имманентность), Шопенгауэр (воля), Фейербах (чувственность) или Ницше (тело), и с тех пор трудно следовать любому

¹³ Ср.: Там же, с. 32 и след.

¹⁴ См. об этом его *Pedagogy, of Freedom: Ethics, Democracy and Civic Courage* (Lanham: Rowman and Littlefield, 2001) и, конечно, его работу *Pedagogy of the Oppressed*.

¹⁵ Sedmak C. Peace, Vulnerability, and the Human Imagination, 33.

¹⁶ Elizabeth Grosz. *The Incorporeal: Ontology, Ethics, and the Limits of Materialism* (New York: Columbia University Press, 2017), 7.

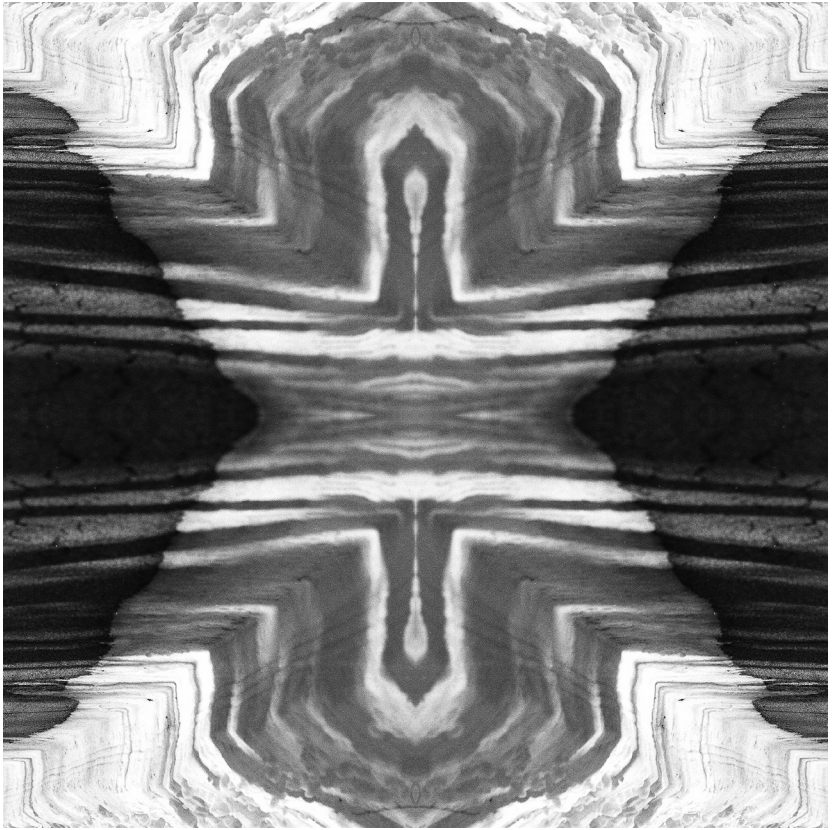
пути, предполагающему противопоставление духовного и материального. В этой книге представлена принципиально новая этика, которая как таковая направлена также на новый вид этической трансформации в рамках интересубъективных контактов среди смертных, трансформации, при которой рождение и смерть принимаются в качестве двух границ: обе они образуют непреодолимый горизонт *этики жизни*, раскрываемый через проявления сострадания, нежности и радушия. Антигона, ее генеалогические сестры, представленные в этой книге, и Иисус, — все они стоят на краю этого этического горизонта. Обозначенные ими онтологические границы рождения и смерти выходят, таким образом, за пределы любого метафизического или этического дуализма и открывают новый уровень интересубъективной этики на самых крайних ее пределах — простираясь в сторону избытка любви или ее матричного ядра¹⁷.

* * *

Эта книга посвящена Антигоне и ее философско-космолого-теологическим сестрам. Это серия диалогов с ключевыми мыслителями, такими как Бёме, Фейербах, Шеллинг, Хайдеггер, Деррида, Ванье, Капуто, Кристева, Этингер и Иригаре. Подобно тому, как Иисус представляет христианство, Антигона стоит у истоков этики в самой ранней европейской греческой мысли, объединяя древние неписанные законы (*agrapta nomina*), изначальные этические принципы (погребение мертвых) и высочайший закон любви. Переосмыслить или понять Антигону по-новому на горизонте, определенном Гегелем, Хайдеггером, Лаканом, Батлер, Кристевой и Иригаре и их объяснениями этого греческого мифа, — задача почти невыполнимая. По этой причине моя

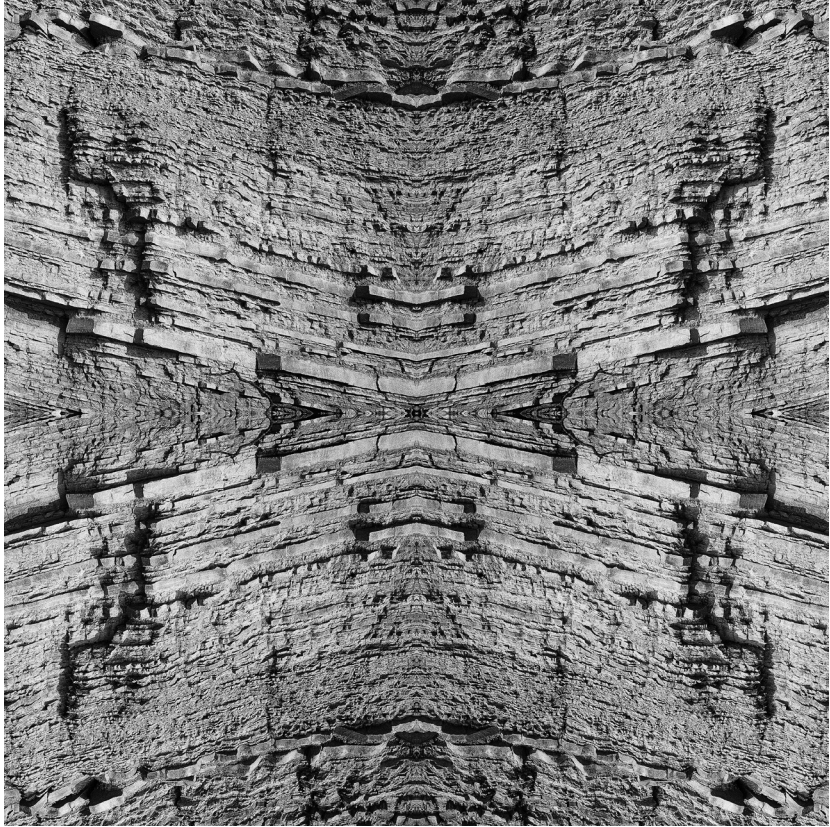
¹⁷ См. Schott, ed. *Birth, Death, and Femininity*, особенно размышления Сигридур Торгейрсдоттир о философии рождения Ницше (с. 171 и далее). Мои размышления о границах рождения и смерти и связанной с ними интересубъективной этике направлены на преодоление онтологически чрезвычайно разрушительных констелляций, как это уже поясняла Симона де Бовуар, говоря о женщине-матери как «хаосе» и о чреве женщины «как источнике всякой жизни», но также начале, которое «обрекает человека на смерть» (там же, с. 28).

интерпретация этого греческого мифа на первый взгляд дистанцируется от его непосредственного окружения и рассматривает его через призму так называемой матрицы любви и связанных с ней космологических, теологических и философских генеалогий. В диалог с Антигоной вовлекаются некоторые древние божества (такие как Метида) и древние космологические матрицы (такие как древнегреческое понятие *chóra*), а также фигуры «героических» женщин, такие как Савитри из индийской поэмы *Махабхарата*, Алкестида из одноименной трагедии Еврипида и Красавица Вида из словенской мифологии. В книге также рассматриваются отношения между женскими фигурами (такими как наложница левита), Вечной женственностью из Ветхого Завета (Мудрость или София из книги Притч) и фигурами Марии в рамках Нового Завета и современной (феминистской и философской) теологии. Я также хотел бы рассмотреть философские интерпретации, такие как у Шеллинга, его чувственный персонаж диалога «Клара», во многих отношениях одного из самых возвышенных творений в истории философии и литературы, а также размышления Бинсвангера и Хайдеггера об изобилии любви и бытия (Sein/Seyn) — также по отношению к древнегреческим контекстам космологического мышления у Сафо и ее Афродиты как сестры бытия (Sein/Seyn). Наконец, в заключении книги я остановлюсь на французском философе Люс Иригаре, чье имя в последней главе трактуется как код новой философской теологии и в то же время переход к легитимированному недавно мышлению наступающей эпохи Духа/Дыхания, приближающие горизонт грядущей и ожидаемой философии близости, чувственности и сострадания.

Молящиеся сестры

**ЧАСТЬ I:
КОСМОЛОГИЯ
И ТЕОЛОГИЯ ЛЮБВИ**

Скалистые стены

1. Антигона / Савитри

В этой главе я хотел бы очертить новые этические пространства, проследив деяния двух героических женщин из литературной и религиозной традиции, а именно — Антигоны Софокла и Савитри из «Махабхараты». Объединяет их то, что в своей жизни и/или смерти и в своих героических поступках они были в близких отношениях с умершими и со смертью. Но и с жизнью тоже. В этом они являлись хранителями космических законов со своими сакральными гендерными и поколенческими генеалогиями. Несмотря на свою порой трагическую судьбу, они были и оставались священными хранителями фундаментальных космических законов, связанными с живыми и умершими, небом, землей и потусторонним миром. Говоря хайдеггеровским языком, они как бы находились в непосредственной близости к элементам древнего космического порядка и космическим законам; в своих поступках они вели себя и высказывались, исходя из принадлежности к Бытию (*deinon*).

Сегодня кажется, что мы потеряли нашу связь с космосом и его этическим порядком. Мы живем в цивилизации, предлагающей нам обилие земных благ, в том числе всевозможные этические и политические законы, а также справедливость в той или иной форме. В этом сфабрикованном мире мы (кто *мы*?¹) (не)

¹ По поводу ссылки на «мы» следовало бы обратиться к тому, что имеет в виду Жан-Люк Нанси в своей книге «Бытие единичное множественное» (Nancy, Jean-Luc. *Being Singular Plural*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000, с. 5 и след.; издание на русском языке: *Нанси, Жан-Люк. Бытие единичное множественное*. Минск: И. Логвинов, 2004. 272 с.), рассматривая существование, коммуникацию как саму сущность бытия, которое для Нанси, в конечном счете, является материальным, — т. е. как онтология тел, заполняющая пустое пространство в этике между областями Хайдеггера/Иригара,

добровольно терпим зло и насилие в его разнообразных формах, а потому не в состоянии предъявить к ним *безусловное* этическое требование. Находясь под влиянием различных форм власти, мы не можем найти мирного спокойствия, места для приема (гостеприимства) и защиты мира для конкретных живущих других. В этой главе хотелось бы поместить софоклову «Антигону» в новые этические рамки и указать на некоторые элементы возможной новой космо-феминистской интерпретации справедливости. В ней будут подробно рассмотрены логика *agraptà nomina* (неписаных/божественных законов) и логика этических поступков в отношении смертных (как умерших, так и живущих). Будет показано, как сакральный долг Антигоны должен был сохранить равновесие космического порядка (с его гендерными и поколенческими генеалогиями) и как это равновесие было утрачено в наше время, по сути, как оно подавлялось различными формами власти с момента политического действия Креонта. По словам Люс Иригаре², чьи идеи вдохновляли меня на протяжении многих лет, это стало возможным только с замещением греками древнего закона и космической справедливости введением новых политических законов, на чем настаивал Креонт, считавший древние неписанные законы устаревшими. Мы знаем, что даже Гегель, — полностью признавая этот сдвиг и чрезвычайно восхищаясь Антигоной за ее поступки, — тем не менее не был готов поддержать приверженность Антигоны этим древним законам, олицетворяющим сакральный порядок женственности. Поэтому в наше время необходимы новые этические поступки и новый взгляд на справедливость; поступки, которые более тесно связаны с человеческим телом умершего (как Полиник), а также и поступки *для* живого трупа (Агамбен), любого ребенка или мужчины/женщины на самой грани между жизнью и смертью, или любого другого претерпевающего муки живого тела. Тогда для всех никакой

с одной стороны, и мыслью Левинаса — с другой. Позволю себе добавить, что к ним близка позиция процессуальной и коммуникативной этики американского прагматизма (Мид и Дьюи).

² Luce Irigaray. *Una nuova cultura dell'energia: Al di là di Oriente e Occidente* (Torino: Bollati Boringheri, 2013).

долг и никакая справедливость не могут быть важнее нашей приверженности к глубочайшим космо-этическим слоям как нашей веры, так и нашего знания, осознания, коренящегося в нашей телесной чувствительности и внутреннем мире.

Антигона

Софоклова «Антигона» вдохновляла крупнейших мыслителей от Гегеля до Иригаре и поднимала ключевые этические вопросы: от божественного закона до закона человеческого, от этики до нравственности, от космического осознания до современной политической жизни; во всех этих контекстах такие толкователи, как Гегель, Лакан, Батлер, Иригаре и Жижек, пытались найти подходящую *меру*, очерчивая самое чувствительное пространство — пространство близости между субъектами с разной сексуальной принадлежностью, между членами рода (даже намекая на существование между ними кровосмесительных отношений), или, как в более политически ангажированных работах, — среди членов политического сообщества. В многочисленных и разнообразных прочтениях этой древней драмы использовались и сливались друг с другом языки психоанализа, этики, теологии и права. Однако изначально «Антигона» — это трагедия о космических законах и радушии по отношению к другим — членам одного рода, а также к другим — посторонним.

По словам Иригаре, раскрытие смысла «Антигоны» — непросто́я задача в нашей культуре³. Это задача, требующая от нас погружения в совершенно иные формы нашего интересубъектного мышления, унаследованные от наших предков. Очевидно, что это также является межкультурной проблемой, поскольку западный человек не может найти выход из себя. Об этом свидетельствует пробуждение Иригаре посредством йоги. И лишь немногие современные философы видят эту проблему во всей ее полноте. Я бы взял на себя смелость и помимо Иригаре упомянул бы только (в этом смысле) Жан-Люка Нанси (возможно, Агамбена). Когда Нанси в самом

³ Luce Irigaray. *In the Beginning, She Was* (London: Bloomsbury, 2013), chap. 5, “Between Myth and History”.

Переводчики:

Титлин Лев Игоревич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Сектора восточных философий Института философии РАН (e-mail: titlus@gmail.com; <http://iphras.ru/titlin.htm>);

Шестаков Игорь Геннадьевич (e-mail: igor@christofor.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности.....	3
--------------------	---

ПРЕЛЮДИЯ

Матрица любви / Матричная сеть Эттингер.....	9
--	---

ЧАСТЬ I: КОСМОЛОГИЯ И ТЕОЛОГИЯ ЛЮБВИ

1. Антигона / Савитри.....	23
2. Метида / Красавица Вида (Реквием по Лампедузе).....	56
3. Вифлеемская наложница / Мария.....	78

ИНТЕРЛЮДИЯ

Интервал / Время любви.....	115
-----------------------------	-----

ЧАСТЬ II: ФИЛОСОФИЯ И ОНТОЛОГИЯ ЛЮБВИ

4. Клара / Матрица.....	137
5. Бытие (Seyn) / Сестра.....	166
6. Иригаре / Дыхание.....	213

ПОСТЛЮДИЯ

Иисус / Антигона.....	243
-----------------------	-----

Библиография.....	251
-------------------	-----

Указатель имен и терминов.....	266
--------------------------------	-----